

Новые Известия - 2001 - 16 Янв. - с. 7. Константин Кедров, «Новые Известия»

Молитва Мандельштама

Исполнилось 110 лет со дня рождения поэта

Иногда очень трудно представить, что Мандельштам все-таки был. Легче поверить в НЛО или в Атлантиду. Такова особенность нашей империи. У нас все не благодаря, а вопреки. Впрочем, надо отдать должное дореволюционной России. Прорвавшись сквозь все черты оседлости, Мандельштам все же смог уехать в Германию и получить там высшее образование, изучая философию.

Зачем Ленский вернулся в заснеженную Россию после обучения в Геттингенском университете? Прожил бы долгую и счастливую жизнь. Даже кроткий и удачливый поэт Василий Жуковский, воспитавший Александра II, вовремя уехал в Германию и много лет жил счастливо, переводя Гомера на русский язык.

Мандельштам не переводил Гомера, он «список кораблей дочел до половины». На вторую половину не хватило жизни, тем более что прервалась она преждевременно в советском концлагере. Назовем вещи своими именами. Великая античная цивилизация, погибшая от нашествия вандалов и возродившаяся спустя тысячу с лишним лет в русской поэзии от Пушкина до Мандельштама, снова погибла от нашествия новых вандалов, начиненных коммунистической фразеологией. Главный вандал и атилла XX века, в отличие от исторического Атиллы, в юности был поэтом и писал по-грузински совсем неплохие стихи. Он нутром чувствовал, как важна в России поэзия, и потому позвонил Пастернаку узнать, действительно ли Осип Эмильевич «мастер». Поколебавшись, Сталин написал лукавую резолюцию: «арестовать, но сохранить». Мандельштама арестовали, но, конечно, не сохранили. Концлагеря были созданы отнюдь не для сохранения гениальных поэтов, а для превращения их в лагерную пыль.

Пришло ли сегодня время Осипа Мандельштама? Формально да. Изданы все его стихи, написаны мемуары. Однако бессмысленно гово-

ИТАР-ТАСС

рить о понимании его поэзии в стране, где большинство опрошенных сначала назвали своим любимым поэтом Пушкина, а затем вспомнили три «его» стихотворения: «Люблю грозу в начале мая», «Размышления у парадного подъезда» и... «Погиб поэт, невольник чести». Действительно, «пал, оклеветанный молвой».

Мандельштам поэт не для масс. В поэзии существует некий культурный генофонд. Маяковский, имея в виду Велимира Хлебникова,

назвал этот феномен поэзией для поэтов. Мандельштам стал не столько поэтом для поэтов, сколько поэтом для филологов. В его стихах так приятно откопать то античную колонну, то профиль древнегреческой камен. Вообще он отчасти был предсказан Гончаровым в романе «Обрыв». Там есть учитель гимназии Козлов, который влюбился в свою жену, находя в ней античные очертания, потому что по-настоящему был влюблен только в античность.

Попытки Мандельштама писать о современности трогательны и неуклюжи. То Москва «на яликах плывет», то вырывается обещание жить «дыша и большевая». Он слишком мягко назвал свой век «волкодавом». Век оказался не волкодавом, а людоедом.

Самая гениальная строчка Мандельштама: Господи! Сказал я по ошибке. Это великая молитва XX века. Здесь уже не античность, а только мы. Мы в той мере, в какой еще способны молиться.

И еще одна точнейшая формула Мандельштама. «Мы живем, под собою не чуя страны», — это на все времена. Очень страна большая. В ее просторах исчезают великие поэты так, что потом и могил не сыщешь.

И все-таки Мандельштам здесь родился, жил и даже создал свою антично-русскую поэзию уже XX века, повторив эксперимент Пушкина в новом измерении. Эксперимент удался. В заснеженной стране возник поэтический Парфенон из льда, построенный Мандельштамом. Это строение казалось таким хрупким и вот-вот должно было бы растаять, однако не растаяло, не рухнуло, а оказалось прочней железобетонных глыб советской поэзии, которые давно превратились в пыль.

Возможно, что поэт родился не в своем времени, не в той стране, но повезло и времени, и пространству, где жил Осип Эмильевич Мандельштам.